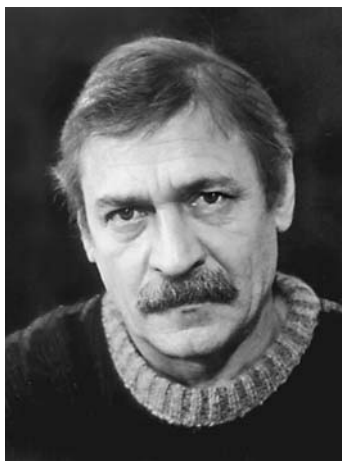

ПОЭЗИЯ

К 65-летию со дня рождения

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ

МЫ ВЕЛИКОЙ РОССИИ ОДОНЬЯ...

ВАНЬКА ЖУКОВ

Ивану Овчинникову

Друг мой, Ванька, Ванька Жуков,
Мне сегодня грустно, жутко...
Даже некому не в шутку
Написать десяток фраз.
Я не знаю, что случилось —
Жизнь, как “мессер”, задымилась...
Сделай Божецкую милость —
Приезжай ко мне сейчас.

Я куплю крючки и лески,
Леденцы и в цирк билеты,
Золочёные орехи
И зелёный сундучок.
Мы поедем по железке
На другой конец планеты,

ШИПИЛОВ Николай Александрович (1946—2009) — автор нескольких книг прозы (“Ночное зрение”, “Пятый ассистент”, “Шарабан”), поэт редкого песенного дарования, автор-исполнитель собственных сочинений, он объездил всю Россию и нашёл последний жизненный и посмертный приют в Беларуси, в Белой Руси... Эту подборку песен журнал публикует в память о нашем друге.

И на прошлые огрехи
Плюнем мы через плечо!

Пусть придут из райсобеса
Секретарь и участковый —
Где же им понять, повесам,
Чудакам городовым:
Пусть я не имею веса,
Пусть я в жизни бестолковый,
Но тебя не дам в обиду
Я ни мёртвым, ни живым!

А пока — писать кончаю,
До свиданья, друг Ванюшка.
Я ночую у подружки,
Ей мешает верхний свет.
А мне сейчас бы рюмку чаю...
Или лучше — водки кружку
И любимую игрушку —
Пачку крепких сигарет.

1976 г.

КОСИ, КОСА

Я с покоса — и домой.
Дома — мама, ангел мой.
Дома ходики с кукушкой
Накукуют тыщу лет.
Я бегу — гора крута.
Гимнастёрка налита
Алым заревом заката
Или кровушкой комбата,
Коль пробит бронжилет.

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы
Домой...

А наутро, на заре
Вижу — мама на дворе...
Батя смотрит исподлобья,
Словно из-под козырька.
Отчего так скорбен рот?
Отчего кругом народ?
Отчего так воют бабы
У завешенных зеркал?

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы
Домой...

Это, милые, покос.
В низком небе рёв стрекоз.
Им, наверно, видно сверху:
Кто на фронте — кто в тылах.
Нынче снова при делах
Их таинственный аллах...

Он потери не считает,
И ложится снег, не тает
На мальчишеских телах...

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы
Домой...

ЗОЛОТАЯ МОЯ

Тане Дашкевич

Словно старую книгу листая,
Вижу строки и знаю — о ком:
“...Не вернётся вчерашняя стая
За подбитым своим вожаком...”
Не вернётся вчерашняя стая,
Чтобы в прошлое нас унести...
Золотая моя, золотая:
Потерпи, потерпи — не грусти.

Наша стая не в раз поредела.
Кто подбит, кто в тоске изнемог.
Мы взлетели — нам плёвое дело,
А Россия ушла из-под ног.
До Урала уйдём, до Алтая,
Из России гонимые вон!
Золотая моя, золотая —
Потерпи, потерпи... ничего...

Исповедуюсь с именем Бога
Тихим пажитям, теням Москвы.
Каюсь: слов произнесено много,
Но мертвы они — каюсь! — мертвы.
И осенние дни коротая,
Мы с тобой, как былинки, сплелись.
Золотая моя, золотая!
Помолись же за нас, помолись!..

И огладив сухую ладонью
Гриф гитары, шепчу я с трудом:
Мы великой России одонья,
Промотавшие Бога и дом.
И пожарищ огнём налитая,
Ты на шею мне кинешься: “Ах!”
Золотая моя, золотая,
Видно, наши давно в небесах...

И давно уже лет не считая,
Я надеюсь, что новый, иной,
В одиночный полёт улетаю,
Повстречается в небе со мной.
Скажет он, что Россия святая
Расцвела после новой войны!
Золотая моя, золотая —
Это сны, это только лишь сны.

ИЗ ПЕСЕН О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1993 ГОДА

Там, на улице Народной, старый дом стоял.
Я на улице Народной перед ним стоял.
Ни на что уже не годный перед ним стоял.
От земных забот свободный перед ним стоял.

Там кукушка не кукует — время не бежит.
Никого не упакует в “дурку” старый жид.
Не поют “Галину Бланку”, не кричат: буль-буль!
Но бежал я на Таганку от октябрьских пуль.

По Москве гуляли танки, — а я всё стоял.
Перед домом на Таганке — всё ещё стоял.
А когда-то бомжи, панки там, где я стоял,
Ночевали, врезав ханки или спирт “ройял”.

Но ни Мишки, ни Андрюшки в доме больше нет.
Нет подушки, нет подружки с пачкой сигарет.
Одеяло убежало, как сказал поэт.
Ни привета, ни приюта — где ты, тихий свет?

Спят усталые игрушки — пушки тоже спят.
Нет ни Мишки, ни Андрюшки — нет уже ребят...
Но кружу я возле дома, хоть меня убей!
Всё мне кажется, что здесь — и небо голубей!

И кружу я, и кружу я, хоть меня убей!
И кружу я, как служу я Родине моей...

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

Зимовать остаются мосты...
Всё бело за оконными рамами...
Мужики переходят на “ты”,
Поделившись остатными граммами.
Зимовать остаются мосты...
Не взволнуется кровь телеграммами..
Мужики похваляются шрамами —
Кто рубаху сорвёт, кто — порты...

Зимовать остаются кресты
На погосте, на дальней окраине...
Мужики уж “выносят святых” —
Молодые попались да ранние.
Зимовать только здесь я смогу, —
В городке со старинными храмами.
Мужики уже спят,
Мужики — ни гу-гу,
В потолки поуставились шрамами.

Если бы в этом городе ты
Появилась из мрака и стылости!
Поминальные свечи чисты,
Ещё столько же роздано милостынь...
Мне сейчас бы твоей чистоты,
Твоей слабой улыбки свечения,
Но зимуют мосты,
Но зимуют кресты,
Но зимуют погосты вечерние...

Зимовать... Зимовать вопреки
Той тревоге, крадущейся тению...
Громко спят мужики,
И храпят мужики,
А меня навещает забвение.

БАЛАГАН

Скоро, скоро на выборá
Отправляется наш барак,
Каждый думает, что пора —
Ходит в поисках штопора.
За дебатами бурными,
За прозрачными урнами,
Попрощаемся сообща
С интересами шкурными.

А как солнце закатится
За гору терриконную,
Выпьем рюмочку, Катенька,
За эту власть раззаконную.
И в постель, как на каторгу,
Как на смену, как в очередь...
Только Катенька, Катенька,

Мне не надобно дочери...

Лучше серость шинельная,
Чем дежурство панельное,
Лучше морды похмельные,
Чем рекорды постельные.
Так что, Катя, родимая
Раскрасавица ты моя,
Позабудь свои бредни, как
Бы родить мне наследника.

Балаган Балаганович —
Без конца представление,
А Наган, бишь, Наганович, —
Он хозяин правления.
Потребляем под радио
Макароны без мяса мы
И следим за нарядными,
За народными массаами.

Где-то баксы зелёные,
Где-то слёзы солёные,
Мужички никудышные
Хлещут водки палёные.
Но, не сбросив передника,
В это месиво, сечево,
Ты родишь мне наследника.
Жаль, наследовать нечего...

2003 г.